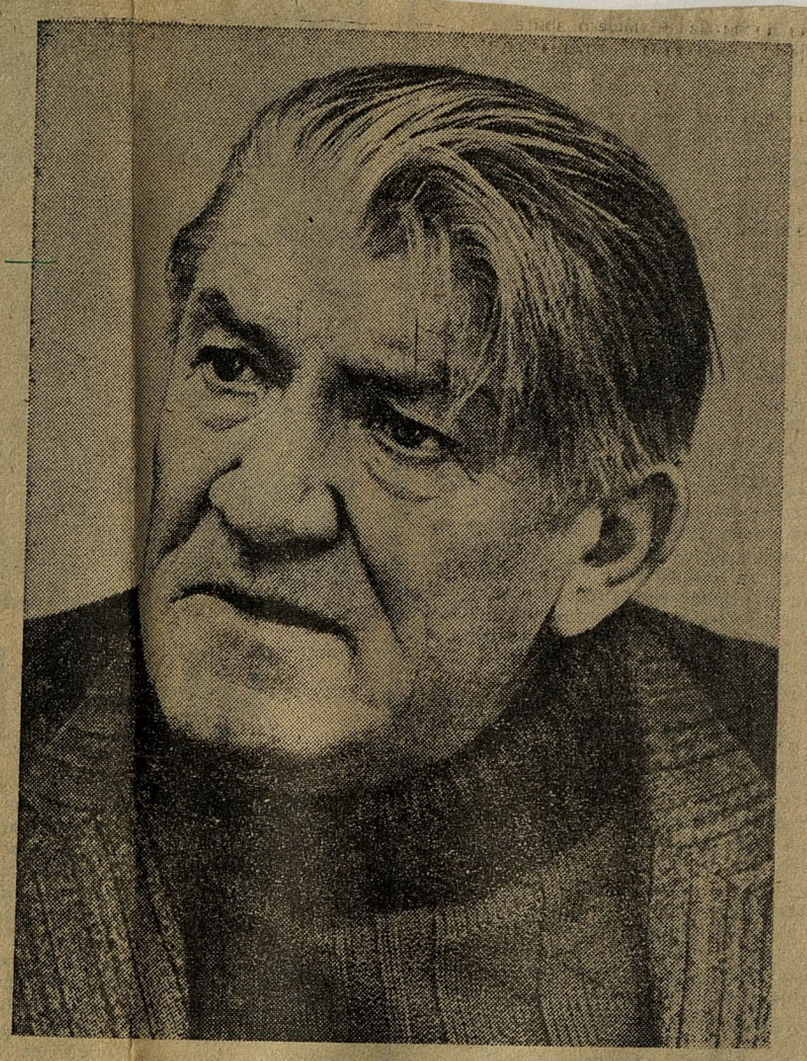
Крючков Н.,

22/V-87.

ДУМЫ О КИНО



Николай КРЮЧКОВ,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда

ПАТРИОТИЗМ — основа личности. Много лет назад я вывел для себя эту жизненную аксиому, не требующую, по-моему, сложных и пространных доказательств. Тогда же я раз и навсегда сформулировал главную творческую задачу: всеми силами стремиться воспитывать и укреплять у моих современников это великое качество — быть настоящим патриотом своей Отчизны. Делать это в киноискусстве можно различными, непересекающимися путями, но наиболее, на мой взгляд, действенна в данном случае военно-патриотическая тема.

Всякий фильм, а тем более о войне, должен быть выстраданным. Если такая работа не прошла сквозь сердца всех участников съемочного коллектива, от режиссера-постановщика картины до статиста и осветителя, если ей не отданы безраздельно души создателей кинематографического произведения, то на экране весь их труд обернется откровенным враньем. И вся трагедия ситуации в том, что каждый из нас может, ненадолго задумавшись, вспомнить не один — несколько примеров такого рода творческой халтуры!

Не будем придирами, закроем глаза на модные прически персонажей из военных лет на элементы одежды и предметы обихода, взятые не слишком радивыми администраторами из явно современной жизни. Хоть и бьет порой по глазам, ну да ладно, запишем в не слишком уж существенное. Но когда суровейшая, не имеющая аналогов по тяготам и лишениям партизанская жизнь или полный смертельной опасности рейд по вражеским тылам превращаются на экране в развеселые прогулочки под модные песенки, когда под молодецкими ударами неких личностей «без страха и упрека» шеренги фашистов валятся, как оловянные солдатики, а специально приглашенные каскадеры — акробаты, автогонщики, наездники — кружат головы невероятными трюками, это уже не просто невинная профанация. Это двойное преступление. Против священной памяти погибших — раз. Против нынешнего, подрастающего, набирающего веры и неверия (не без помощи киноэкрана, кстати) молодого поколения — два. Ведь после знакомства с экранными героями в военной форме у мальчишек должны загораться глаза, должна появиться мечта — стать похожими на тех, из фильма, таких смелых, сильных, благородных, умных. А получит паренек порцию развесистой «киноклюквы» — в другой раз и на афишу не взглянет, скажет только: «Что, опять про войну? Бодяга все это!» Или что-нибудь похлестче. И будет в принципе прав.

ЧАСТЕНЬКО студенты-актеры задают мне вопрос «на засыпку»: «Если воспитание творческой молодежи, будущих артистов театра и кино — задача государственного масштаба, если для нашего искусства, как вы, Николай Афанасьевич, утверждаете, это вопрос его будущего, то позвольте спросить: отчего же тогда сам Крючков не ведет своих актерских университетов? Кому же вы передаете весь свой огромный опыт? Где же, наконец, преемственность поколений?»

Серьезный вопрос, даже очень. Я много размышлял на эту тему и пришел к выводу, что вести курс, руководить творческой мастерской в каком-либо учебном заведении или студии не могу. Просто не имею на это права.

В данном случае говорю о праве не юридическом, а чисто человеческом, даже партийном. Конечно, это отрадно, когда актерскими курсами руководят известные мастера нашего искусства. Но давайте признаемся честно: всегда ли сами мастера работают со своими студентами? Ведь порой они со спокойной душой уезжают на гастроли, в киноэкспедиции, а вместо них «их мастерство» преподают ассистенты. Бывает такое, бывает!.. Вот и получается, что известное, авторитетное имя — всего лишь рекламная вывеска, не более.

Скажешь об этом такому человеку, а он — в обиду: «Но позвольте, вы же отлично знаете, как много у меня было работы!» Да, знаю и в бездельники не записываю, ни в коем случае. Но знаю и другое: брать учеников — это значит взваливать на себя тяжелое и благородное бремя обучать секретам своего мастерства других. Самому обучать, заметьте! А нет времени, съемки да гастроли мешают, так не берись. Честнее будет и перед самим собой, и перед молодыми, и перед всем искусством в целом. Так я считаю.

Не смогу быть учителем еще и потому, что категорически не согласен с рядом прижившихся в нашем искусстве явлений. Прежде всего терпеть не могу кинопроб. Мой давний партнер и товарищ Лев Свердлин с присущей ему прямотой называл их «издевательством над актером». Я знаю, как возмущался Михаил Ульянов, ставивший фильм по повести Бориса Васильева «Самый последний день», когда помощники принесли ему ворох актерских фотографий, из которых он должен был отобрать будущих исполнителей.

Фотографии — это еще полбеды. Куда хуже, когда наспех загримированного актера, знакомого—куда там со сценарием! — с кусочком собственной роли, приглашают на съемочную площадку и велят сыграть какой-то сложный эпизод либо сцену. О каком творческом подходе можно говорить?! А если этот артист — настоящий, самостоятельный художник, с собственной трактовкой роли, со своими представлениями о том, что такое хорошо и что такое плохо? А мы всех под одну гребенку...

Не в этом ли причина долгих, бессмысленных простоев многих прославленных мастеров экрана? Вот и сожалеем мы о том, что маловато у нас фильмов с участием Любови Петровны Орловой, Веры Петровны Марецкой, Фаины Георгиевны Раневской... Помните прекрасную актрису Ольгу Андровскую в блестящих экранизациях чеховских водевилей «Медведь» и «Юбилей», где она играла вместе с Михаилом Жаровым, Виктором Станицыным? И как играла! Кино открыло ее, но не простило самостоятельности, творческих сомнений, и больше на экранах ее не видели. Так вот, Андровская любила потом повторять: «Поднимаясь по лестнице искусства, не надо стучать каблучками...»

Перебираю в памяти фильмы последних лет и едва ли не в каждом вижу интересного, яркого молодого исполнителя. Уверенно, основательно вошли в кино Бахтияр Закиров из Узбекистана, москвички Галина Беляева и Анна Каменкова, Матлюба Алимова из Таджикистана, Юрате Онайтите и Гражина Байкштите из Литвы, Тыну Карк из Эстонии, Лика Кавжарадзе из Грузии. Можно назвать еще несколько имен, но в любом случае это будут единицы, но вовсе не десятки и тем более сотни, на которые идет счет при ежегодном выпуске дипломированных молодых артистов. А прибавьте сюда не поддающуюся учету армию самодеятельных любителей искусства, которая, как родник, питает профессиональную реку. Отчего же столь невелик коэффициент полезного действия?

Смею утверждать: дело в таланте и трудоспособности. Если для успешной борьбы с сотнями претендентов абитуриенту ВГИКа, ГИТИСа, других художественных учебных заведений необходимы способности, дарование и, конечно же, удача, то для успешного дебюта и профессионального закрепления на сцене, в кино нужно неизмеримо большее — ярко выраженный талант в сочетании с огромным трудолюбием.

НАША профессия требует самоотверженности, а не пустого стремления к славе. Вспоминаю в связи с этим, как великая актриса Алиса Коонен, уже не работая в театре, тем не менее каждый день начинала с того, что подолгу репетировала, будто вечером ей предстояло играть в новом спектакле. Потребность трудиться ради себя самого, поддерживать высокую профессиональную и творческую форму отличала многих прославленных русских, советских мастеров искусства, с которыми меня сводила жизнь. И еще их отличало чувство глубокого уважения к профессии, к труду актера над собой. Ручаюсь: доведись им услышать бытующее ныне в кругу молодых киноартистов выражение «помелькать» на экране», чтобы, понимай, зрители не забыли, — они были бы возмущены до глубины души. И в этом я с ними солидарен целиком и полностью.

Мне могут возразить: ну что, мол, из-за неудачной шутки целое дело затевать? Шутка шутке рознь. И тревога моя вызвана отнюдь не формой, а сутью, кроющейся за этими словами, — упрощенным отношением к делу, которому мы, артисты, призваны служить.

Я глубоко убежден, что кинематограф, так же как, скажем, и литература, способен внести весомый вклад в решение поставленных партией задач глубокой перестройки нашего социалистического общества, способствовать резкому повороту в сторону нового, прогрессивного, лучшего. Работать по старинке, а тем более спустя рукава нам сейчас нельзя, и спрос с нас больший, чем когда-либо еще. Вот почему я так активно против какого бы то ни было «мелькания в кадре», против равнодушия, скептицизма, против всего, что еще вчера было простительно, а сегодня и тем более завтра — нет.

Есть и еще одна болезнь в нашем кино, с которой, по моему глубокому убеждению, бороться можно только одним путем — хирургическим. Мне уже приходилось говорить об этом, но тут не грех повториться. Я говорю о семейственности и «пропихивании» в кино сыновей и дочек. Заболевание это настолько застарелое, запущенное, что таблетки-увещевания да микстуры-взывания к совести чадолюбивых папочек и мамочек уже не помогут. Повторяю: нужны хирургическое вмешательство, гласность и публичное осуждение подобных явлений, прореживание молодой творческой поросли. Ведь если отпрыск видит не искусство в себе, а себя в искусстве, то, спрашивается, зачем он кинематографу? «Талант» иных «детей лейтенанта Шмидта» зачастую сводится лишь к тому, чтобы в совершенстве усвоить некую оборотистую «киномеханику», которая потом безотказно будет служить им в жизни, доводя серость до «проходного уровня».

Как оградить кино, зрителей от подобной прыти, про которую нынче говорят «смелость», тогда как раньше ее называли попросту — «нахальство»? Самим родителям надо иметь больше гражданской совести. А остальным, от кого зависит решение этого вопроса, вместо деликатничания не худо было бы и власть употребить!

Тут вообще многое требует кардинальных перемен, начиная с приема в киновузы. Сама система преподавания в них нуждается в такой же реформе, как в средней школе. Ведь «семейственность» начинается, как показывает жизнь, с института.

Когда Марлен Хуциев, руководитель мастерской во ВГИКе, воспротивился приему «по семейным обстоятельствам» сына режиссера Э. Кеосаяна, то потребовалось вмешательство прессы: столь мощным оказался напор папаши в ректорат.

Но вот позади институт. «Зеленая улица» с легкой руки родителя ведет на киностудию. И что же? На свет появляются серые фильмы, отмеченные «семейным знаком качества». Ибо сколько такое чадо ни учи, оно все сухостоем останется, не превратится в молодую и стройную березку... Таких людей и близко нельзя подпускать к кинопроизводству.

Только не подумайте, что я вообще против творческих династий. Когда из семьи классиков грузинского кино Николая Шенгелая и Наты Вачнадзе в кинематограф приходят талантливые режиссеры Эльдар и Георгий Шенгелая, я — за! Голосую двумя руками. При всем своем уважении к Чухраю-старшему не стал бы сниматься в картине у Чухрая-младшего, не будь у того самостоятельного режиссерского дарования. Надо четко различать, где творческая династия, а где — семейный клан.

Съемочная площадка — стартовая площадка будущей кинокартины, своего рода творческий космодром. А вообразите, что на Байконуре окажется съемочная группа с «детьми лейтенанта Шмидта» во главе и начнет готовиться к запуску ракеты. Признаться, я не хотел бы оказаться внутри нее...

СЕЙЧАС для кинематографа уже явно недостаточно лишь отображать, художественно констатировать действительность. Надо иметь смелость и умение заглядывать вперед.

Как же мы, работники кино, порой отстаем от жизни! Сперва мы долго и нудно воспитывали нашего зрителя на образцах энтузиазма тридцатых—сороковых годов, хотя за окном были уже пятидесятые, потом шестидесятые. Пожалуй, кинематограф перещеголял первоцелинников и первопроходцев по продолжительности жизни в палатках, бурно и романтично восторгаясь тем, что как раз должно было — в эти самые годы — и насторожить, и заставить призадуматься.

Потом в кино наступила эпоха так называемого производственного фильма. Сколько было споров, дискуссий, обид вместо того, чтобы засучив рукава начать действовать. Вы посмотрите только, сколько лет назад был снят прекрасный фильм «Премия» по пьесе Александра Гельмана «Заседание парткома», а ведь до сих пор, пожалуй, ничего лучшего кинематограф так и не предложил! Появился смелый и во многом необычный фильм, также на производственную тематику, под названием «Дублер начинает действовать». И опять бесконечные споры, критические рецензии, глубокие раздумья — так ли, туда ли... Где же другие фильмы, яркие и острые, в которых ставился бы главный сегодняшний вопрос: как в труде закаляется человек, как он корчует в себе самом старое, изжитое, как нелегко рождается новое, передовое?.. Жизнь стремительно уходит вперед, и с каждым прожитым днем отставание будет все труднее и дороже наверстывать.

...Однажды во время встречи с молодыми работниками сельского хозяйства, жителями Нечерноземья, меня спросили: «Николай Афанасьевич, а как вы, актеры, участвуете в реализации Продовольственной программы СССР?»

Вижу, в зале замелькали белозубые улыбки, затем веселый гул сменился напряженной тишиной — интересно, как артист будет парировать каверзный вопрос. Но прежде чем рассказать, что и как я ответил тогда, хочу поделиться своими мыслями о том, что значат для меня встречи со зрителями.

Именно через труд узнал я многие радости и в жизни, и в нашем актерском деле. То, что съемки, спектакли, концерты для артистов — труд, и немалый, доказывать лишний раз смысла нет. Но когда еду на свидание со зрителями, тоже еду трудиться. Потому что каждая такая встреча — часть моей профессиональной работы. И, заметьте, очень важная часть. А как же!

Что питает труд актера? Сценарий? Режиссура? Да. Но не на все сто процентов. Мне ведь нужно не вообще сыграть человека, хорошего и плохого, мне нужно оправдать каждую секунду его пребывания на экране. Чтобы зритель поверил в правду его существования. Иметь способность, как говорили в старину, к лицедейству — этого одного нынче мало. Надо способность эту положить на знание жизни, понимание людей, тончайших нюансов человеческой души. А как все это постичь, если не встречаться, не общаться с людьми, не быть с ними предельно откровенным, не вступать, если потребуется, в принципиальный спор о каком-то явлении в жизни, стороне характера? Надо не бояться этого спора, не играть со зрителем в поддавки, чтобы непременно ему суметь понравиться.

Замечу между строк, что, на мой взгляд, понравиться — вовсе не то же самое, что заслужить уважение. Лично у меня вызывает уважение собеседник с твердыми убеждениями, даже если я с ним не согласен. «Как прикажете» да «как изволите» — мне это претит... Так где же еще набираться актеру житейского ума-разума, как не на этих встречах со зрителями? Резюмирую: встречи с людьми — это большой и ответственный труд. Труд, совершенно для актера необходимый.

А на тот вопрос, каверзный для меня и абсолютно естественный, закономерный для аудитории молодых земледельцев, я ответил примерно так.

Что ж, на первый взгляд мы, актеры, и впрямь далеки от сельскохозяйственного производства. От команды «Мотор!» хлебушек не уродится. Все верно. Но ведь верно и то, что заботы и дела нашего народа — это также и наши заботы, дела, стремления. Мы живем одной жизнью, одни цели перед собой видим.

Рассказывая с экрана о людях, которые кормят страну, мы открываем миллионам мир помыслов, глубину добрых дел, широту души и щедрость сердца хлебороба, доярки, механизатора, агронома, птицевода, чабана. В эту работу, поверьте, мы вкладываем всю свою душу и умение, поскольку нет и не может быть в нашем советском киноискусстве более почетной задачи, чем прославить человека труда, показать его крупным планом, заострить внимание на нерешенных пока что проблемах и помочь их скорее решить.